Изданіе редакціи журнала „Библіографъ".

И. Морошкинъ.

# ОБЗОРЪ
# ЛИТЕРАТУРЫ
ОБЪ
# АѢРСЕНІѢ МАЦѢЕВИЧѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. Фрейманъ (Вас. Остр., 3-я линія, д. № 44).
1886.

или Бѣлозерскаго пророчество о двухъ юношахъ, которые выгонятъ турокъ и возьмутъ Царь-Градъ, и толковалъ, что это пророчество легко сбудется, что два юноши, никто иные, какъ братья покойнаго Ивана Антоновича. Когда же его спрашивали объ этомъ на допросѣ, онъ сознался во всемъ и сказалъ, что слыхалъ это отъ своего дѣда. Дѣдъ его полякъ, сказывалъ ему, по выходѣ изъ турецкаго плѣна: «турки считаютъ Константинополю быть за ними триста лѣтъ, кои годы, по ихъ исчисленію, прошли, да и по его, Арсенія, исчисленію въ 1753 году миновали и онъ уповаетъ, что точно Константинополь будетъ взятъ, а когда—не знаетъ». Мы видимъ изъ этихъ выдержекъ, что Чистовичъ въ своей статьѣ [1]) выставляетъ Арсенія Мацѣевича остаткомъ старовѣровъ Петровскаго времени, фанатикомъ и страшнымъ суевѣромъ.

П. П. Пекарскій [2]) говоритъ, что Арсеній принадлежалъ къ той многочисленной партіи русскаго духовенства, преимущественно монашествующаго, которая послѣ Петра Великаго употребляла всѣ усилія къ уничтоженію изданнаго при этомъ государѣ Духовнаго Регламента, значительно ограничившаго власть высшаго духовенства. Всѣ возраженія Мацѣевича противъ присяги клонились къ тому, чтобы доказать несостоятельность Духовнаго Регламента и его несовмѣстность съ православіемъ, какъ его понимали приверженцы прежнихъ порядковъ русской іерархіи. Императрица Елизавета покровительствовала, насколько было возможно дочери Петра Великаго, этой партіи; при ней она была въ особенномъ почетѣ и потому Арсенію не нужно было много самоотверженія, чтобы открыто возстать на присягу въ такія времена, когда прежніе заклятые враги Духовнаго Регламента, какъ напр., Маркеллъ Родышевскій, возвращены были изъ заточенія и осыпаны почестями. Неповиновеніе Синоду относительно присяги не мѣшало Арсенію сочинять, произносить и печатать проповѣди на похвалу предержащимъ властямъ, какъ-то: на восшествіе на престолъ Елизаветы (1744 г.), обрученіе Великаго Князя Петра Ѳедоровича съ Екатериною (1744 г.) и тезоименитство Елизаветы. Въ 1745 г. Мацѣевичъ написалъ дополненное обличеніе отвѣтовъ раскольническихъ, пустосвятами высоцкими въ 1723 г. предложенныхъ, и возраженіе на пасквиль лютеранскій, называемый «Молотокъ.» Послѣднее сочиненіе написано въ защиту книги «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, котораго должно считать родоначальникомъ помянутой выше партіи, боровшейся противъ Духовнаго Регламента и автора его Ѳеофана Прокоповича. По направленію и убѣжденіямъ своимъ, по словамъ Пекарскаго, Арсеній является поборникомъ началъ, съ которыми, со временъ оставленія Никономъ патріаршаго престола до Екатерины II, боролась свѣтская власть въ Россіи. Что бы ни говорили убѣжденные, что у насъ не было и не могло быть клерикаловъ, въ русской исторіи XVII и XVIII столѣтія нельзя не замѣтить стремленія привиллегированнаго сословія удержать прежнее свое вліяніе, сохранить всѣ средства, которыя были въ рукахъ его, по милости невѣжества и неразвитости массъ. Если бы не было Петра Великаго, у насъ несомнѣнно явились бы клерикалы и это доказывается Духовнымъ Регламентомъ, гдѣ, въ началѣ, послѣ напоминаній изъ византійской исторіи временъ Юстиніана, а изъ западной—папства, сказано: «да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи»! Мацѣевичъ былъ послѣднимъ представителемъ защитниковъ старыхъ порядковъ, которымъ Духовный Регламентъ Петра Великаго нанесъ рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельный по

[1]) 1862 г., газета „День“, № 15.
[2]) См. его статью въ Энцикл. Словарѣ. Т. V. Спб. 1862. „Арсеній Мацѣевичъ“.

своимъ послѣдствіямъ для русскаго просвѣщенія. Замѣчательно, что подобные защитники, легко мирившіеся съ нововведеніями, когда они касались теоріи и умозрѣній, яростно возставали, когда рѣчь заходила о внѣшнихъ прерогативахъ и имущественныхъ правахъ. Если въ началѣ настоящей біографіи, говоритъ Пекарскій, не скрытъ былъ ложный путь, на которомъ Мацѣевичъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность и навлекъ потомъ гоненія, это не мѣшаетъ, однако, сказать, что особенная жестокость, съ которою обошлись съ нимъ послѣ вторичнаго слѣдствія, не въ состояніи ни въ комъ возбудить сочувствія или вызвать оправданіе. Здѣсь-то и надобно искать разгадку тому, что о Мацѣевичѣ сложилась въ народѣ легенда, въ которой онъ является мученикомъ за правду. Безпристрастно разсмотрѣвъ его сочиненія и протесты, прочитавъ вполнѣ всѣ производившіяся о немъ дѣла, не трудно убѣдиться, что Арсеній въ сущности защищалъ довольство и выгоды привиллегированнаго сословія въ ущербъ всему народу, но тайна, которою окружали дѣло о Мацѣевичѣ, безчеловѣчное обхожденіе со старикомъ (семидесятилѣтнимъ), вымѣщавшимъ свое недовольство рѣчами, не имѣвшими никакихъ послѣдствій, не могли не произвести впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно Арсенія не сломила власть, не знавшая предѣловъ; онъ шелъ противъ нея безстрашно. Въ глазахъ современниковъ и потомства, непосвященныхъ въ сущность дѣла, все это было заслугою, подвигомъ, какъ это всегда бываетъ. Подобно Мацѣевичу и Волынскаго потомство желало признать какимъ-то геніальнымъ дѣятелемъ въ русской исторіи XVIII столѣтія за то лишь что онъ осмѣлился возстать противъ тиранніи Бирона.

Въ 1862 году [1]) явились замѣчанія на статью Чистовича объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ Но эти возраженія на нѣкоторыя мнѣнія Чистовича, по словамъ Пекарскаго [2]), не основаны ни на какихъ историческихъ фактахъ и имѣютъ только въ виду доказать, что Мацѣевичъ защищалъ старые порядки и, слѣдовательно, былъ великій дѣятель. Самъ же Чистовичъ [3]), отвѣчая г. Р. С. Т., говоритъ, что отобраніе церковныхъ имуществъ — фактъ совершившійся и притомъ не въ духѣ совершенной юридической и нравственной правды. Но правъ ли Арсеній, выступая противъ него съ угрозами и проклятіями отъ лица церкви?

С. М. Соловьевъ [4]), также по поводу статьи Чистовича, сказалъ нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ. Чистовичъ, говоритъ Соловьевъ, упоминаетъ о фанатизмѣ Арсенія, указывая на то, что онъ велѣлъ вынимать части на проскомидіи за гонящихъ и обидящихъ церковь, но пропускаетъ любопытное обстоятельство, за что особенно судили Арсенія? Въ дѣлѣ читаемъ: когда состоялся указъ о запискѣ желающимъ въ расколъ, то Арсеній говорилъ: «надлежитъ молитву читать, ибо де, раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ и велѣлъ архимандриту читать особую молитву, выписавъ изъ служебника о «гонящихъ церковь».

И. Снегиревъ [5]) такъ обрисовываетъ намъ Арсенія: старецъ въ тѣсной тюрьмѣ, съ однимъ узенькимъ окошкомъ, за желѣзною рѣшеткой, на подоконникѣ лежитъ кусокъ хлѣба—насущная пища узника; а на другомъ старинномъ его портретѣ, вмѣсто хлѣба, положена на окнѣ книга, вѣроятно Библія, на обратной сторонѣ надпись: «Андрей страдалецъ». На

---

[1]) См. газету „День“, № 16, 1862 г. Статья Р. С. Т.

[2]) См. Энцикл. Словарь, Т. V. 1862 г. Спб. Его статью о Мацѣевичѣ.

[3]) См. газету „День“, 1862 г., № 25, стр. 7.

[4]) См. газету „День“, 1862 г., № 16.

[5]) См. его брошюру: „Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій“, съ его портретомъ. Русскія достопамятности, выпускъ IV-й. Москва. 1862.

третьемъ живописномъ портретѣ, на мѣстѣ хлѣба и книги, виденъ кляпъ, которымъ загораживали уста опаснымъ арестантамъ и вынимали его только тогда, когда давалась пища. На старцѣ полушубокъ, на головѣ у него треухъ; отъ холода руки у него засунуты за пазуху. Надъ нимъ на стѣнѣ портретъ архіерея въ полномъ облаченіи и митрѣ, похожій на этого тюремнаго сидѣльца и, повидимому, однихъ съ нимъ лѣтъ. Кто бы могъ подумать, что это одно и тоже лице, мужикъ и архіерей? Кто же этотъ человѣкъ, испытавшій такой поразительный «преходъ житія своего» (прем. 11, 5). Въ этихъ двухъ видахъ намъ представляется злополучный Арсеній Мацѣевичъ или Максѣевичъ, митрополитъ Ростовскій, членъ Святѣйшаго Синода; ему суждено было испытать печальный жребій патріарха Никона, архіепископовъ Варлаама Вонатовича и Тверскаго Ѳеофилакта Лопатинскаго, Воронежскаго епископа Льва Юрлова Это случилось въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, которая приняла бразды правленія за малолѣтствомъ наслѣдника престола Павла I, бывшаго тогда восьми лѣтъ; конечно, должно быть велико преступленіе Арсенія, чтобы присудить ему столь жестокое наказаніе: изъ митрополита обратить въ мужика, изъ Арсенія переименовать его Андреемъ, его фамилію Мацѣевичъ перемѣнить на прозвище Врали, послѣ двадцати лѣтъ архіерейскаго его служенія на паствѣ, десять лѣтъ, какъ государственнаго преступника влачить по Россіи, изъ одного тюремнаго заклепа въ другой, ставить къ истязательнымъ допросамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, ловить каждое его слово и мановеніе, наконецъ дать ему могилу не въ соборной усыпальницѣ, а на арестантскомъ кладбищѣ. Такой ужасный жребій испыталъ Арсеній—жаркій защитникъ правъ собственности духовенства По характеру своему, твердый до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ и воспріимчивый до раздражительности въ столкновеніяхъ, онъ ополчался своимъ языкомъ и перомъ противъ раскольниковъ и вольнодумцевъ, противъ отнятія вотчинъ отъ монастырей и противъ злоупотребленія свѣтской власти. Въ его протестѣ противъ Высочайшей воли Государыни, выразился неразрѣшенный еще вопросъ о правахъ собственности церковной и государственной. Но и въ такой неравной борьбѣ Арсеній, какъ вольная жертва своихъ убѣжденій, не палъ и не угасилъ своего духа, не измѣнилъ своему направленію, такъ что и Самодержавная Государыня опасалась его вліянія даже въ мрачныхъ его заклепахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда не терпима была гласность, когда смѣлое, свободное слово, хотя бы и правдивое, о дѣлѣ государственномъ и государевомъ, ставилось наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ, въ тотъ вѣкъ отзывы Мацѣевича о мѣрахъ и лицахъ правительственныхъ приняты были за оскорбленіе Величества и за крамолу, заслуживающія не только лишенія архіерейскаго сана, но и смертной казни. На порывы его ревности о благѣ духовенства имѣло вліяніе необыкновенное стеченіе странныхъ обстоятельствъ его полемической жизни и службы; то столкновеніе съ Синодомъ, то съ коллегіею экономіи, то съ Сенатомъ; въ тѣхъ и другихъ онъ нашелъ себѣ враговъ, дѣйствовавшихъ противъ него и прямо и косвенно. Казалось не всегда ревность его была по разуму и не всегда онъ оправдывалъ дѣломъ свое высокое титло смиреннаго, но его историческая личность, его энергическій характеръ, его упорная борьба съ обстоятельствами, вліяніе на его современниковъ, а болѣе печальный его жребій—достойны участія и соболѣзнованія. Сколь ни старалась осторожная политика Екатерины II изгладить слѣды Арсенія, затмить его память, но память его еще жива въ преданіяхъ народа, который, соединяя съ нею много чудесныхъ о страдальцѣ сказаній и странныхъ случаевъ, чтитъ этого ревнителя православной вѣры и благочестія, полнаго

любви къ отечеству и народности, покровителя духовнаго просвѣщенія, пастыря безкорыстнаго и добродѣтельнаго. Опальную его могилу отыскиваютъ путешественники. Сенаторъ Лопухинъ въ садахъ своего сельца Савинскаго [1]) поставилъ памятникъ Арсенію и выдалъ его портретъ [2]). Арсеній, по словамъ Снегирева, твердый и настойчивый по своему сангвинико-холерическому темпераменту, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отличался строгостью въ исполненіи своей должности и, какъ видно изъ дѣлъ, иногда ставилъ судъ выше милости.

Въ превратностяхъ и тяжкихъ испытаніяхъ, провелъ остальное десятилѣтіе своей жизни послѣдній митрополитъ Ростовскій, жившій, по словамъ Снегирева, при четырехъ Императорахъ и при четырехъ Императрицахъ, (р. 1697 г., умеръ 1772 г.). Почти вся жизнь его представляетъ намъ непрерывную борьбу, то съ духовною и свѣтскою властію, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства, характеръ, который не поддается власти и не уступаетъ силѣ, когда дѣйствія ихъ не согласны съ его убѣжденіями и правилами Его личныхъ убѣжденій не поколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на него собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго или Шешковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь; обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ смѣло съ самоотверженіемъ. Кормчую онъ ставилъ выше Духовнаго Регламента, царскаго указа и присяги, потому что смотрѣлъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе, за которое стоятъ и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность и заслугу. Собратія его втайнѣ раздѣляли его убѣжденія; но явно никто изъ нихъ не отважился присоединиться къ нему. Мало того нѣкоторые даже возставали противъ него. При столкновеніи правъ и обязанностей, онъ опирался только на свои права, какъ пастырь церкви, уклоняясь отъ обязанностей вѣрноподданнаго. Вотъ отъ чего смѣлость и свобода его протестовъ, направленныхъ не противъ личности Самодержицы, но противъ собратій и членовъ коммиссіи, принята тогда за оскорбленіе Величества, а самое дѣйствіе за мятежъ и крамолу! Вотъ почему мнѣнія объ немъ различны! Народъ, сострадая объ немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ, благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ православія и какъ сама Императрица выразилась въ своемъ письмѣ «святымъ». Она же находила въ Арсеніѣ лицемѣра, пронырливаго, лукаваго, злобнаго, опаснаго для себя враля. Такое мнѣніе Государыни, по видимому, возбуждено въ ней не одними рѣзкими протестами Ростовскаго Владыки, въ ея царствованіи, но какими нибудь предшествовавшими обстоятельствами въ царствованіи ея тетки Елизаветы Петровны, когда были партіи и противъ нея; потому то она, какъ видно изъ ея писемъ, и почитала Арсенія не только противникомъ ея воли, но и личнымъ своимъ врагомъ. Такъ расходился судъ народа объ Арсеніи съ судомъ разгнѣванной Государыни. Скажутъ, недоставало только смиренія подписывавшемуся смиреннымъ, но кто знаетъ, что въ самомъ смиреніи, этой личной добродѣтели, Арсеній предпочелъ ревность ополчаться перомъ и языкомъ за права церкви, освященныя давностію, и какъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ, не могъ не увлечься сво-

[1]) Орловской губерніи.

[2]) Въ „Русской Старинѣ", 1879 г., къ статьѣ Иконникова объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, приложенный портретъ Арсенія есть точная копія съ портрета, приложеннаго Снегиревымъ къ его брошюрѣ въ 1862 году.

имъ личнымъ убѣжденіемъ и въ увлеченіи своемъ не могъ удержаться отъ оскорбительныхъ и дерзкихъ выраженій. Уже путемъ тяжкой истомы и страданій, Арсеній наконецъ достигъ глубокаго смиренія въ ревельскомъ казематѣ на краю своей могилы. Тамъ всѣми оставленный, кромѣ своихъ суровыхъ, безмолвныхъ стражей и разныхъ гадинъ, лишенный надежды на свободу и помилованіе, онъ, подобно опальному патріарху Никону, обращаясь къ посѣтителю душъ, такъ взывалъ: «благо, яко смирилъ мя еси, Господи!»

Г. Мстиславскій [1]) такъ очерчиваетъ Арсенія: въ катастрофѣ, постигшей Арсенія, отразился послѣдній актъ той глубокой драмы, которая шла на Руси, со временъ Петра и внесеннаго имъ начала съ древнимъ самосудомъ, теперь доживавшимъ свой вѣкъ въ обычаяхъ церкви. Послѣднимъ энергическимъ защитникомъ этого самосуда въ дѣлахъ церкви былъ Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ, съ которымъ неразрывно связана память объ Арсеніѣ, не имъ былъ начатъ, не имъ могъ быть и рѣшенъ, но онъ задѣвалъ собою въ глазахъ Арсенія всю совокупность правъ церкви и былъ для него жизненнымъ вопросомъ, вопросомъ быть или не быть. Какъ отнесся къ этому вопросу, чего онъ хотѣлъ или чего опасался, какое сочувствіе нашелъ къ себѣ и своему дѣлу въ своихъ современникахъ, соразмѣрилъ ли наконецъ свои силы съ тѣми препятствіями, на борьбу съ которыми онъ, по видимому, такъ беззавѣтно обрекъ себя, и какъ онъ встрѣтилъ тотъ страшный исходъ, который обрушился надъ нимъ всею своею тяжестію, вотъ вопросы, которые должны быть разрѣшены въ біографіи Арсенія, ожидаемой отъ тѣхъ, кто знакомъ съ дѣломъ по точнымъ свидѣтельствамъ. Задача конечно, не легкая и едва ли не превышающая наличныя средства современной исторической литературы, но съ другой стороны и то сказать, малодушно было бы нарушать покой мертвыхъ, вызывая ихъ предъ трибуналъ исторіи безъ всякой солидарной связи съ ихъ убѣжденіями и вѣрованіями, безъ живаго участія къ мысли, которая ихъ одушевляла. Не въ томъ ли, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ живая сторона исторіи, что она имѣетъ дѣло не съ мертвыми, но съ живыми идеями съ людьми, которые служили этимъ идеямъ и чрезъ посредство которыхъ, каковъ бы ни былъ конецъ ихъ, и можетъ быть, именно въ силу той, а не иной развязки ихъ дѣятельности, эти идеи становятся общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго, даже въ отдаленномъ потомствѣ.

Авторъ безъимянной біографіи Арсенія Мацѣевича [2]) архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, говоритъ только, что по имянному указу, въ 1763 г., Арсеній былъ потребованъ къ синодскому суду за противорѣчія о монастырскихъ вотчинныхъ дѣлахъ по коллегіи экономіи, въ разсужденіи требованныхъ отчетовъ въ оныхъ и привезенъ изъ Ростова гвардіи офицеромъ Николаемъ Димитріевичемъ Дурновымъ; свѣдѣнія въ ней очень скудныя, но интересна въ ней попытка собрать народныя преданія объ Арсеніѣ, въ мірѣ Андреѣ, Вралѣ или Вракинѣ, какъ онъ долженъ былъ называться по снятіи сана, эта попытка, при усердныхъ розыскахъ, могла бы доставить много любопытнаго. Преосвященный Арсеній скончался въ Ревелѣ, но въ народѣ шла молва, будто онъ скончался въ Сибири. Были и ходили по рукамъ рукописные листочки объ обстоятельствахъ его смерти,

---

[1]) См. его статью „Арсеній Мацѣевичъ“ въ Современной Лѣтописи 1862 г., № 32, стр. 26 и 27.

[2]) См. „Русская Библіотека“. Т. XIX, Лейпцигъ, Вольгангъ Гергардъ, 1863 г., центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ, брошюра въ двадцать восемь страницъ, принадлежащая перу князя Голицина.

якобы видѣли его въ церкви на молитвѣ, стоящаго на колѣнахъ въ архіерейскомъ облаченіи, какъ зрителямъ казалось [1]) Но всѣ эти преданія не имѣютъ фактическаго значенія. Тутъ же разсказывается анекдотъ, что по доставленіи Арсенія въ Николаевскій Корельскій монастырь, приказано было отъ Императрицы, при свидѣтельствѣ гвардіи офицера Мавринa, который сопровождалъ его въ этотъ монастырь, по три дня, неотмѣнно употреблять его въ самое тяжкое монастырское послушаніе и онъ три дня рубилъ и носилъ дрова и воду при Мавринѣ, который все сіе разсказывалъ съ удивленіемъ и какъ о святомъ [2]). Есть въ этой брошюрѣ и крупныя ошибки; говорится напримѣръ, что Арсеній сначала былъ сосланъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, а потомъ въ Анзерскій скитъ; другая ошибка въ этой брошюрѣ и крупная, гдѣ говорится, что дѣло о послѣднемъ и важнѣйшемъ періодѣ Арсенія страданія, въ 1767 году, началось по доносу одного офицера, бывшаго у Арсенія на водкѣ въ Николинъ день [3]); третья ошибка въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что рукою прокурора Нарышкина написанъ и весь экспертъ производившагося тамъ дѣла [4]), т. е. въ Архангельской Губернской Канцеляріи. Пункты, выставленные въ этой брошюрѣ, за которые будто бы судили Арсенія, въ 1767 году, не точны и не совсѣмъ вѣрны.

Первый пунктъ, якобы онъ Арсеній говорилъ, что Иванъ Антоновичъ былъ законный Государь, ибо ему присягали [5]). Второй пунктъ, что Императрица принимала престолъ, какъ правительница, только до возраста сына, совсѣмъ не вѣренъ. Третій, что она не любитъ ни Россіи, ни закона греческаго; въ этомъ пунктѣ обвиненія Арсеній не признавался при допросѣ.

Просмотрѣвши статью въ «Зрителѣ» [6]), по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежащую покойному Евгенію, митрополиту Кіевскому, мы нашли послѣднюю сходною съ лейпцигской біографіею Голицына, изданною въ 1863 году, почти буквально, только въ «Зрителѣ» нѣтъ такихъ ошибокъ, какъ экспертъ вмѣсто экстрактъ [7]), Пашковскій вмѣсто Шешковскій. Нѣтъ въ «Зрителѣ» одной фразы, которую трудно передать въ печати и которую авторъ приписываетъ Арсенію Мацѣевичу; эта фраза очень оскорбительна для Императрицы Екатерины II и заключаетъ въ себѣ пророчество о ея кончинѣ, но это безъ сомнѣнія есть позднѣйшее изобрѣтеніе фантазіи почитателей Арсенія [8]). Вѣроятно, за эту фразу и запрещена означенная біографія въ Россіи. Такъ какъ записка объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ появилась въ «Зрителѣ» въ 1862 году, а біографія лейпцигская вышла въ 1863 году, то навѣрное изъ «Зрителя» она и перепечатана за-границею, съ прибавкою фразы оскорбительной для Императрицы и съ вышеозначенными погрѣшностями. Въ лейпцигской біографіи, равно какъ и помѣщенной въ «Зрителѣ» запискѣ объ Арсеніѣ, приводятся и другіе анекдоты и преданія о немъ, которые не имѣютъ фактическаго значенія; подобными анекдотами и преданіями

---

[1]) См. „Православное Обозрѣніе“, 1862 г, № 10, стр. 67—68.

[2]) Анекдотъ этотъ сообщенъ И. Вл. Лопухинымъ въ 1813 году Калуж. преосвящ. Евгенію, а Лопухину разсказывалъ сослуживецъ Мавринa.

[3]) Что не вѣрно.

[4]) Вмѣсто словъ и весь секретный экстрактъ.

[5]) Это говорено было по его смерти, которая и подала имъ поводъ къ такимъ разговорамъ.

[6]) Въ журналѣ общественной жизни, литературы и спорта 1862 г., № 23, іюня 2 подъ заглавіемъ „Краткое извѣстіе о жизни преосвящ. Арсенія Мацѣевича“, бывшаго митрополита Ростовскаго и Ярославскаго.

[7]) См. стр. 735. „Зритель“, 1862 г., № 23.

[8]) См. біографію Арсенія. Лейпцигъ. 1863 г., стр. 13.

о немъ, авторъ брошюры старался вывести заключеніе въ концѣ ея, что народъ долго почиталъ и нынѣ весьма благоразумно почитаетъ Арсенія невиннымъ страдальцемъ. Таинственность, соблюдавшаяся во время вторичной ссылки Арсенія, была причиною многихъ толковъ и неправильныхъ заключеній о немъ. Самое дѣло объ Арсеніѣ хранилось такъ секретно, что о существованіи его, кромѣ самыхъ близкихъ къ Императрицѣ лицъ, никто не зналъ. Такимъ образомъ, вѣроятно, и возникъ, помѣщенный въ этой же біографіи и въ «Зрителѣ» 1862 г., разсказъ И. В. Лопухина, о существовавшемъ будто бы третьемъ дѣлѣ объ Арсеніѣ, но которое было сожжено, и о свиданіи въ Москвѣ Арсенія съ Екатериною, въ присутствіи графа Панина и графа Григорія Орлова, при чемъ Арсеній заговорилъ въ такомъ тонѣ, что они должны были уйти зажавши уши [1]).

Авторъ статьи: «О преставленіи преосвященнаго Арсенія» [2]) упоминаетъ о прошеніи, поданномъ будто бы Арсеніемъ Петру III, какъ протестѣ противъ его распоряженій о церковныхъ имѣніяхъ, которое состояло изъ книгъ пророческихъ и священнаго писанія, весьма жалостномъ и плачевномъ, остраго и высокаго разсужденія, отправленномъ въ Спб. къ Его Величеству съ схимо-іеромонахомъ Лукою и врученномъ Его Величеству будто бы въ собраніи генералитета и прочтенномъ съ остановкою оберъ-секретарямъ, причемъ Государь былъ по этому случаю въ великомъ азартѣ [3]); а оной схимникъ отъ страху лишился ума и былъ посланъ въ Невской монастырь, гдѣ шесть недѣль и находился подъ карауломъ и возвращенъ указомъ; но это извѣстіе не подтверждается фактами историческими. Трудно повѣрить также разсказу автора о томъ, что когда былъ снятъ съ Арсенія архіерейскій санъ, онъ былъ весьма не устрашимъ и отдавалъ архіерейскія принадлежности, съ выговоромъ весьма досадительнымъ и всякому пророчески, какъ Сѣченому, такъ и другому Амвросію, напоминая имъ смерть: что увидите, какъ умрете. Доносителей на Арсенія, авторъ брошюры называетъ пьяницами, что и справедливо; доносителей, по его мнѣнію, было трое: іеродіаконъ, да два черница (одинъ чернецъ, а не два); ошибается также авторъ, когда говоритъ, что Арсенія думали переименовать въ Александра, по лишеніи его монашества въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ и отвести въ Камчадалы; въ заключеніи внесено авторомъ въ свою жизнь выдуманное письмо о кончинѣ Арсенія Мацѣевича; письмо это поддѣльное, любопытно же оно потому, что разошлось во многихъ спискахъ, что свидѣтельствуетъ о томъ живомъ интересѣ, который принималъ русскій народъ въ судьбѣ Мацѣевича [4]). Взглядъ автора статьи о преставленіи Мацѣевича имѣетъ сходство со взглядомъ автора предъидущей брошюры объ Арсеніѣ, именно: у того и другаго видно желаніе выставить въ глазахъ народа Арсенія невиннымъ страдальцемъ и мученикомъ.

Пр. В. Знаменскій [5]) высказываетъ такой взглядъ на Арсенія Мацѣевича: онъ былъ энергичный архіерей, проведшій всю свою жизнь въ тревожной борьбѣ, то съ раскольниками, то съ свѣтскими властями, то съ

---

[1]) Эта же біографія еще въ третій разъ была напечатана въ 1862 г. въ кн. III, на стр. 135—143 въ „Чтеніяхъ въ Моск. Общ. Ист. и Древн.“

[2]) Изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстого, отдѣлъ V. № 40; въ Имп. Публ. Библ.: подъ лит. А. I. № 279.

[3]) См. также „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.“ II кн., стр. 18.

[4]) См. также это письмо въ „Русской Старинѣ“, 1879 г., стр. 197—198, въ концѣ біографіи Иконникова объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ.

[5]) См. его Чтенія изъ исторіи русской церкви, за время царствованія Екатерины II въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, 1875 г., январь и др. мѣсяцы.

новымъ направленіемъ вѣка, то наконецъ съ самимъ правительствомъ, которое пошло по этому направленію въ своихъ церковныхъ реформахъ. Не смотря на то, что, какъ человѣкъ отсталый, онъ палъ жертвою исторіи, которая на своемъ неудержимомъ ходу, сминаетъ и давитъ всѣхъ подобныхъ людей, онъ оставилъ по себѣ громкую память, возбуждающую къ нему уваженіе не только со стороны друзей старины, которые не прочь пожалѣть о старомъ крѣпостномъ правѣ русской церкви, но и въ людяхъ совершенно чуждыхъ подобныхъ симпатій. Въ своей дѣятельности, онъ вездѣ является человѣкомъ прямымъ, честнымъ, неуклонно слѣдовавшимъ внушенію своихъ убѣжденій, безъ всякихъ трусливыхъ оглядокъ на разные человѣческіе страхи, человѣкомъ такой рѣдкой энергіи, которая бы могла сдѣлать его истинно великимъ, если бы приложена была къ дѣлу болѣе ея достойному. Историческая аналогія невольно спѣшитъ сопоставить его, по словамъ Знаменскаго, съ другимъ такимъ же борцомъ за старыя права церкви и такимъ же мученикомъ за нихъ,—патріархомъ Никономъ [1]).

Знаменитый нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ [2]) въ своей исторіи такъ выражаетъ свой взглядъ на Арсенія Мацѣевича: Екатерина поступила чрезмѣрно строго, обнаружила личное раздраженіе, можно сказать, личную злобу въ преслѣдованіи лица, которое по своему сану, казалось, требовало болѣе внимательнаго къ нему отношенія. Это лицо былъ Ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I для замѣщенія архіерейскихъ каѳедръ, нуждавшихся въ пастыряхъ образованныхъ, способныхъ наблюдать за школьнымъ дѣломъ. Но Арсеній не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей этой ученой дружины; не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій Дмитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнья жить въ свѣтѣ Ѳеофана Прокоповича; Арсеній отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностію, которая вела его къ очень непріятнымъ столкновеніямъ; кромѣ того сохранились преданія о его необыкновенной жестокости.

Въ 1763 году Арсеній прислалъ въ Синодъ, находившійся тогда въ Москвѣ, одно за другимъ два доношенія, въ которыхъ весьма рѣзко высказывался противъ новыхъ распоряженій относительно церковныхъ имуществъ. Синодъ представилъ первое доношеніе Императрицѣ и дѣло кончилось ссылкою Арсенія въ Архангельскую епархію въ Николаевскій Корельскій монастырь, а чрезъ четыре года, въ 1767 году опять поднялось слѣдственное дѣло о монахѣ Арсеніѣ, по которому состоялось рѣшеніе: лишить Арсенія монашескаго чина и послать въ Ревельскую крѣпость къ неисходному содержанію.

Такъ кончилась борьба за вопросъ, поднятый въ русской жизни еще въ XV вѣкѣ. Борьба, какъ и слѣдовало ожидать по важности вопроса, была сильная, ожесточенная; но въ началѣ восторжествовало мнѣніе, что за монастырями должны быть удержаны населенныя земли. Въ эпоху преобразованія, въ ту эпоху, когда русскій человѣкъ, во имя разума, считалъ себя въ правѣ допросить всякое освященное древностію явленіе о правѣ и пользѣ его существованія, въ эпоху преобразованія, вопросъ о церковныхъ имуществахъ долженъ былъ подняться съ новою силою. Но мѣры преобразователя, принятыя относительно этихъ имуществъ, были временныя, отмѣненныя имъ, какъ только онъ покончилъ съ главнымъ вопро-

[1]) См. его „Чтенія“, стр. 249.
[2]) См. его „Исторію“. Томъ 25, стр. 244 и др.

сомъ о формѣ церковнаго управленія; съ одной стороны, преобразователь, при своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ относительно церковныхъ имуществъ, имѣлъ въ виду новыя обязанности чернаго духовенства, новый строй его жизни, съ другой, онъ такъ вѣрилъ въ силу новаго коллегіальнаго управленія, что не считалъ возможнымъ повторенія старыхъ злоупотребленій. Въ началѣ второй половины XVII вѣка, снова поднимаетъ вопросъ дочь преобразователя, которую нельзя было заподозрить въ недостаткѣ благочестія, или въ философскомъ умѣ [1]), и это обстоятельство уже показывало, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV вѣкѣ, и Арсеній Ростовскій палъ, защищая въ XVIII вѣкѣ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Но какъ бы историкъ ни отнесся къ этому дѣлу, нельзя непризнать за Арсеніемъ мужества въ отстаиваніи своего мнѣнія до конца. Онъ просилъ снисхожденія, просилъ, чтобъ мнѣніе его было прочтено внимательно, въ цѣлости, надѣясь, что убѣдятся его доводами, но не жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ для полученія прощенія, освобожденія отъ наказанія. Онъ закончилъ свою просьбу словами: «я и теперь утверждаю, что деревень отъ церквей отбирать не надлежало» [2]).

Н. И. Барсовъ [3]) въ своей статьѣ старается провести взглядъ на Арсенія Мацѣевича противоположный взгляду С. М. Соловьева на него же. Барсовъ говоритъ, что Соловьевъ о личности Арсенія не нашелъ сказать что либо хорошее, отзываясь скудостію біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ Ростовскомъ митрополитѣ; онъ приводитъ въ своемъ разсказѣ о немъ лишь такія штрихи и детали, которые рисуютъ Арсенія въ некрасивомъ свѣтѣ. Въ лицѣ Арсенія, во всякомъ случаѣ, предъ нами является великій образъ представителя міровоззрѣнія, органически развившагося изъ общенародныхъ убѣжденій и вѣрованій—міровоззрѣнія, которое, что бы о немъ ни говорили въ настоящее время, неизмѣримо выше, чѣмъ то, которымъ временно увлеклась умная Екатерина въ тотъ періодъ своего царствованія, къ которому относятся послѣдніе годы дѣятельности Арсенія. Предъ нами вождь и глава почтенной и во многихъ отношеніяхъ симпатичной старо-русской патріотической партіи,—человѣкъ, самоотверженно и безкорыстно предавшійся обязанностямъ своего священнаго служенія, замѣчательно умный и ученый, свершающій подвигъ, предъ тяжестію котораго малодушно отступила цѣлая его корпорація, человѣкъ, ни разу не измѣнившій своему ясно сознанному идеалу, ни разу не поступившійся своими убѣжденіями ни предъ какими соблазнами и страхами. Но не право было то дѣло, которому послужить счелъ себя призваннымъ Арсеній; такъ, по видимому, думаетъ и г. Соловьевъ: онъ прямо говоритъ, что при Екатеринѣ II вопросъ о монастырскихъ имуществахъ не могъ быть рѣшенъ такъ, какъ онъ былъ рѣшенъ въ XV столѣтіи и Арсеній палъ потому, что въ XVIII столѣтіи защищалъ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Едва ли можно, по словамъ Барсова, согласиться съ почтеннымъ историкомъ, если судить о дѣлѣ, не говоримъ уже съ точки зрѣнія искони дѣйствовавшаго права, которое было одно и тоже, какъ во времена Іосифа Волоцкаго, такъ и въ царствованіе Екатерины II, но и съ точки зрѣнія права государственнаго, по которому государство не могло отчуждать въ свою пользу церковную собственность, не отмѣнивъ нѣкоторыхъ, дѣйствовавшихъ тогда, какъ и въ настоящее время, органическихъ законовъ, а также законовъ гражданскихъ, по которымъ имущества, жертвуемыя частными лицами въ

[1]) Которымъ такъ любовалась въ себѣ Екатерина.

[2]) См. „Исторію“ Соловьева, XXV томъ, стр 256.

[3]) См. его статью. „Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій“ (по поводу XXV тома „Исторіи Россіи“ Соловьева). „Рус. Стар.“, 1876 г., томъ I-й.

пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій, съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертвователи ненарушимою. Монастырскія и церковныя имущества образовались изъ добровольныхъ даяній, главнымъ образомъ, частныхъ лицъ, благочестиваго православнаго люда, который, жертвуя свои копѣйки Богу и алтарю, конечно не имѣлъ въ виду, чтобы ими воспользовался кто нибудь другой, для какихъ либо другихъ цѣлей. Вѣрное государственное право, справедливо замѣчаетъ покойный Филаретъ Черниговскій—не отнимаетъ ни у кого правъ собственности [1]). Съ этой точки зрѣнія, не правъ ли былъ Арсеній, когда говорилъ: ‹узникъ и послѣдній богадѣленный—лучшій и счастливѣйшій (чѣмъ духовенство), понеже что кто ему даетъ, свободенъ въ томъ имѣется›? Мысль объ отчужденіи монастырскихъ имуществъ явилась подъ вліяніемъ увлеченія модною въ то время теоріею запада, имѣвшаго надобность сокрушать сильный тамъ клерикализмъ, котораго Россія никогда не знала. Наконецъ, отнятіе отъ монастырей крестьянъ имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ, если бы Екатерина задумала уничтожить крѣпостное право повсемѣстно въ Россіи; но, бывъ уничтожено по отношенію къ духовенству, оно, какъ извѣстно, въ отношеніи дворянства, не только осталось неприкосновеннымъ, но и еще большую возъимѣло силу со времени отобранія имуществъ отъ монастырей. Г Барсовъ не видитъ ничего законопреступнаго и въ томъ, что одинъ изъ болѣе видныхъ представителей іерархіи, правильно, или какъ думало большинство, неправильно отстраненный отъ непосредственнаго участія въ высшемъ церковномъ управленіи, пишетъ Святѣйшему Синоду доношеніе, въ которомъ напоминаетъ своимъ сослужителямъ, во имя священнѣйшихъ интересовъ церкви и ихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, о долгѣ ихъ званія. Г. Соловьевъ, желая представить личность Арсенія антипатичною и дѣло его рѣшительно неправымъ, указываетъ на раздражительный тонъ его доношеній; но доношенія Арсенія предназначались не для публичнаго произнесенія, не для Высочайшихъ особъ, онѣ адресованы имъ къ его собратамъ — архіереямъ, засѣдавшимъ въ Синодѣ, въ которомъ и самъ онъ состоялъ равноправнымъ членомъ. Языкъ, которымъ написаны оба донесенія Арсенія, это языкъ всѣхъ прочихъ сочиненій Арсенія, не имѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, — его полемическихъ трактатовъ противъ раскола и противъ протестанства, это языкъ проповѣдей Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и самого Димитрія Ростовскаго; по этому г. Соловьевъ, по словамъ Барсова, ошибается, когда указываетъ на противоположность, какая существуетъ въ этомъ отношеніи между Арсеніемъ и Св. Димитріемъ. Приснопамятный Ростовскій святитель, предшественникъ Арсенія по каѳедрѣ, былъ не только одного духа съ своимъ преемникомъ, но и одного образа мыслей по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ трактуется въ доношеніяхъ Арсенія. Выраженія Свят. Димитрія, когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ лицъ свѣтскихъ, особенно военныхъ, къ духовенству и церкви, были не менѣе энергичны, чѣмъ и выраженія Арсенія [2]). Такимъ образомъ г. Барсовъ старается обѣлить Арсенія и разбить взглядъ Соловьева на Арсенія; на сколько удалось ему достигнуть своей цѣли, предоставляемъ объ этомъ судить самимъ читателямъ. Барсовъ полагаетъ также, что почтенный историкъ не подвелъ итога всему, что писано, до выхода его XXV тома въ 1875 г., объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ и не произнесъ своего, если не окончательнаго то во всякомъ

[1]) См. „Обзоръ русской духовной литературы“, кн. II, стр. 90.
[2]) См. стр. 733 „Рус. Стар.“, 1876 г.

случаѣ компетентнаго приговора историка, отрѣшившись отъ всякой тенденціи и предвзятой мысли. По этому Барсовъ не доволенъ тѣмъ освѣщеніемъ, какое даетъ Соловьевъ излагаемымъ имъ фактамъ, по дѣлу Арсенія, и тѣмъ окончательнымъ заключеніемъ по этому дѣлу, къ какому пришелъ Соловьевъ по изложеніи всѣхъ его подробностей.

В. И. Иконниковъ [1]) собралъ въ своемъ очеркѣ все, что писано было объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ до 1879 года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и его очеркъ объ Арсеніѣ полнѣе и лучше всѣхъ статей о немъ, вышедшихъ до 1879 года. Иконниковъ представляетъ Арсенія защитникомъ имущественныхъ правъ церкви. Арсеній, по словамъ его, былъ прямымъ преемникомъ идеи той партіи, которая въ борьбѣ съ реформою Петра Великаго, группировалась возлѣ камня вѣры Стефана Яворскаго, какъ своего знамени и облеченій Ѳеофилакта Лопатинскаго, сторонники которыхъ встрѣчали такой ожесточенный отпоръ въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича. Съ большими усиліями и значительнымъ пожертвованіемъ своихъ нравственныхъ силъ, велъ эту борьбу Ѳеофанъ, пока не одолѣлъ своихъ противниковъ. Но, явились новые защитники ихъ ученія, такіе же, какъ и они, горячіе поборники патріаршества и церковной реакціи. Представители этого направленія одинаково сурово относились и къ расколу и къ иновѣрнымъ ученіямъ.

Предъ людьми, мнѣнія которыхъ онъ раздѣлялъ, Арсеній благоговѣлъ и преклонялся, но на людей, отступавшихъ отъ установленной догмы, онъ призывалъ небесныя и земныя кары. Такъ сурово отнесся Арсеній, когда ему пришлось произнести приговоръ надъ человѣкомъ, уклонившимся отъ общепринятыхъ пріемовъ проповѣдничества и заявившихъ открыто о необходимости болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ вопросовъ; такъ сурово поступилъ Арсеній съ Владиміромъ Каллиграфомъ, которому за одну проповѣдь запретилъ служить съ собою и ѣздить къ нему въ домъ, потомъ отрѣшилъ отъ управленія монастыремъ и пр.

По словамъ Иконникова, Арсеній былъ нрава строптиваго, въ сужденіяхъ и словахъ былъ самонадѣянъ и дерзокъ, съ подчиненными бранился неприличными словами; бывали случаи жестокой своеручной расправы и жизнь онъ велъ не совсѣмъ монашескую. Но за то Арсеній являлся не менѣе грознымъ защитникомъ своихъ подчиненныхъ, если на нихъ посягала посторонняя власть. Эти факты обрисовываютъ Арсенія, какъ архіерея администратора, преобладающею чертою котораго является крайнее самообольщеніе властью, непризнававшею рядомъ съ собою никакихъ другихъ правъ и мнѣній, а зная эти факты, едва ли можно находить въ его личности какія либо сѣмена чего то высшаго, которыя побуждали его на высшій подвигъ и могли бы заставить историка отыскивать въ жизни и дѣятельности этого лица преимущественно поучительныя страницы, достойныя подражанія [2]). Когда Екатерина подняла вопросъ о церковной реформѣ и о монастырскихъ имѣніяхъ, то Арсеній Мацѣевичъ рѣшился поднять свой голосъ въ защиту правъ церкви и открыто поставить вопросъ о ихъ неприкосновенности, опираясь притомъ въ своей защитѣ на прерогативы и значеніе духовной власти Иконниковъ замѣчаетъ, что Арсеній, когда высказываетъ свои заботы въ своемъ первомъ доношеніи о духовныхъ школахъ, то этимъ не доказываетъ особенной своей заботливости о бѣломъ духовенствѣ Онъ и ему подобные защитники церковныхъ правъ думали только о себѣ и монастыряхъ, а это забываютъ тѣ, которые въ

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ 1879 г. статью его: Арсеній Мацѣевичъ, историко-біографическій очеркъ.

[2]) См. „Рус. Старину“ изд. 1876 г. стат. Н. И. Барсова, т. XV, стр. 724.

протестахъ Арсенія желаютъ видѣть строгую выдержанность канонического принципа [1]).

Взглядъ Арсенія и его единомышленниковъ на имущественныя права церкви нисколько не разнится отъ мнѣнія самыхъ крайнихъ защитниковъ крѣпостнаго права того времени. Здѣсь все размѣрено и разсчитано на одинъ прибытокъ и личное обезпеченіе; о правѣ же личности съ религіозной точки зрѣнія, какая проявлялась иногда у представителей этого направленія въ прежнее время, нѣтъ и помину. Поэтому толковать о существованіи въ протестѣ Арсенія какого то высшаго духовнаго воззрѣнія, какъ это дѣлаютъ его защитники, значитъ вовсе не понимать историческихъ явленій. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разнится взглядъ Арсенія на личность человѣка отъ воззрѣній на нее защитниковъ крѣпостнаго права? Не такъ думали другіе представители аскетизма, Нилъ Сорскій, Артемій, Максимъ Грекъ и т. п. блюстители нестяжанія, поднявшіе свой голосъ, противъ идей Арсенія еще въ XVI вѣкѣ, но Арсеній ихъ обходитъ и помнитъ одного Іосифа Волоцкаго [2]).

Арсеній Мацѣевичъ учился въ Малороссіи, вступилъ на высшій іерархическій постъ въ Россіи, благодаря покровительству малороссійской партіи, господствовавшей тогда въ духовной іерархіи. Эта партія мечтала о возстановленіи патріаршества и не могла свыкнуться съ порядками Духовнаго Регламента. Понятно, что Екатеринѣ II, строгой блюстительницѣ авторитета свѣтской власти и политическаго единства Россіи, не могли нравиться подобныя тенденціи [3]). Она даже старалась въ самомъ Синодѣ усилить великорусскій элементъ и число малороссовъ начало быстро уменшаться въ великорусскихъ епархіяхъ, съ указа 17 февраля, 1765 г. [4]).

Приговоръ надъ Арсеніемъ, по словамъ г. Иконникова, представляется крайне жестокимъ, особенно въ началѣ царствованія Екатерины II, когда она писала наказъ, созывала Коммиссію Уложенія, мечтала съ философами о всеобщемъ человѣческомъ благѣ Мнѣнія, высказанныя Арсеніемъ на счетъ ея собственныхъ правъ на престолъ — не могли остаться безъ вліянія на участь Арсенія. Нельзя при этомъ не указать въ историко-біографическомъ очеркѣ г. Иконникова на двѣ ошибки, которыя произошли отъ того, что невѣрно напечатаны документы, касающіеся этого дѣла. Подъ гонящими церковь Арсеній разумѣлъ предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила С.-Петербургскаго и всѣхъ свѣтскихъ чиновъ, которые объ отнятіи старались и въ Коммиссіи присутствовали, а не нѣмецкихъ [5]), также на стр. 192 у Иконникова нужно исправить такъ: а имѣть его, т. е., кляпъ, въ казематѣ, а не въ карманѣ [6]).

При Екатеринѣ II заговорили противъ суевѣрій, стали горячо доказывать идею вѣротерпимости и свободы мысли, опровергать теорію двухъ самостоятельныхъ властей въ Государствѣ, духовной и мірской, настаивать на всевозможномъ ограниченіи, даже уничтоженіи первой въ пользу послѣдней, на ослабленіи власти и силы духовенства, на отобраніи монастырскихъ имуществъ [7]). Императрица вполнѣ раздѣляла модную въ ея

---

[1]) См статью Барсова, въ „Рус. Стар“ 1876 г., т. XV.

[2]) Этотъ взглядъ Иконникова на Арсенія и мы раздѣляемъ

[3]) Интересны въ этомъ отношеніи ея мнѣнія о правахъ Остзейскаго края и Малороссіи. (См. „Сборн. Истор. Общ.“ т. VII, стр. 375—391; т. X, стр. 272—274.

[4]) См. Чтенія Знаменскаго въ „Правосл Собесѣдникѣ“ 1875 г., февраль, стр. 108—122.

[5]) См. у Иконникова, стр. 189.

[6]) См. „Рус. Стар.“, 1879 г. стр. 192. Первая ошибка повторяется и у Знаменскаго. (См. его „Чтенія“ въ „Правосл Собесѣдникѣ“ 1875 г.).

[7]) Стр. 22 „Правосл. Собес.“ 1875 г (Чтенія г. Знаменскаго).

время мысль, что церковь имѣетъ исключительно политическое значеніе, и должна быть учрежденіемъ государственнымъ. Въ замѣткахъ, которыя она дѣлала для себя въ 1761 году, еще будучи Великою Княгинею, читаемъ между прочимъ такія строки: «не дѣлать ничего безъ правилъ и разума; не руководить себя предразсудками, уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла; въ письмахъ къ Вольтеру Екатерина прямо называетъ себя главою греческой церкви въ смыслѣ власти, которой церковная власть должна подчиняться безусловно; какъ послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ Екатерина, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ, говоритъ князь Щербатовъ [1]). Съ этой именно стороны Екатерина II старалась представить предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которымъ она такъ дорожила, свое отношеніе къ дѣлу Арсенія Мацѣевича. Вопросы о вѣротерпимости и отношеніяхъ свѣтской и духовной властей служили любимою темою въ перепискѣ ея съ Вольтеромъ, а имя Арсенія упоминается въ ней уже въ половинѣ 1765 года 11 августа [2]), въ связи съ вопросомъ, объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Екатерина по этому поводу писала: «крестьяне, принадлежащіе духовному вѣдомству, часто терпѣли тираническія притѣсненія, чему еще болѣе содѣйствовала частая перемѣна властей, почему они и взбунтовались въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы, такъ что, при моемъ восшествіи ихъ было болѣе ста тысячъ, взявшихся за оружіе. Это побудило меня въ 1762 г. осуществить проэктъ о совершенномъ измѣненіи въ управленіи духовными имуществами и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ Ростовскій, подъущенный нѣкоторыми изъ собратій своихъ, которые заблагоразсудили скрыть свои имена, возсталъ противъ этого. Онъ послалъ двѣ записки, въ которыхъ старался установить нелѣпое начало двоевластія. Подобное покушеніе онъ уже дѣлалъ при Елисаветѣ, но тогда удовольствовались тѣмъ, что принудили его къ молчанію; но такъ какъ его наглость и безуміе усилились, то онъ былъ судимъ Новгородскимъ митрополитомъ и цѣлымъ Синодомъ и уличенъ въ изувѣрствѣ и въ дѣйствіяхъ противныхъ какъ православной вѣрѣ, такъ и самодержавной власти, почему и лишенъ своего сана и священства и преданъ въ руки свѣтской власти. Я его помиловала и удовольствовалась низложеніемъ въ монахи» [3]). Спустя годъ [4]), Екатерина снова возвращается къ Арсенію, но уже въ связи съ вопросомъ о терпимости. «Всѣ, подобно Каласамъ и Сирвенамъ, вамъ должны всѣмъ, пишетъ она Вольтеру. Ничего не стоитъ дать немного своему ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, но дѣлаешься безсмертнымъ, когда становишься адвокатомъ за человѣчество, защитникомъ угнетенной невинности. Эти два дѣла привлекаютъ къ вамъ уваженіе, котораго заслуживаютъ такія чудеса Здѣсь вы поражали соединенныхъ враговъ людей— суевѣріе, фанатизмъ, невѣжество, кляузы, худыхъ судей и часть власти, находящейся въ рукахъ тѣхъ и другихъ. Надобно много доблести и достоинства, чтобы побороть эти препятствія. Вы показали, что обладаете ими — вы побѣдили». Изъявивъ готовность оказать вспомоществованіе пострадавшимъ семействамъ, Екатерина продолжаетъ: «непріятное приключеніе съ Ростовскимъ епископомъ было об-

---

[1]) См. „Статистику въ разсужденіи Россіи“, соч. кн. Щербатова.

[2]) См. „Сборн. Ист. Общ.“ стр. 37—38, бумаги Екатерины, т. 2-й

[3]) Этого мѣста нѣтъ въ черновомъ спискѣ письма, хранящемся въ Государственномъ Архивѣ; но оно находится въ самомъ полномъ изданіи переписки Вольтера, par Mr. Benchot., t. LXII 411.

[4]) 29-го іюня, 1766 г.

суждаемо гласно, и вы государь мой, по своему усмотрѣнію, можете сообщить записку, какъ подлинную выписку, полученную вами вѣрнымъ путемъ». За тѣмъ, сообщая о предстоящихъ дѣйствіяхъ Коммиссіи Уложенія, она прилагаетъ къ письму извлеченіе изъ составленной ею инструкціи, въ которой говорится, что «въ великомъ государствѣ, владычество котораго распространяется на столько различныхъ народовъ, на сколько есть различныхъ вѣрованій у людей, будетъ самою вредною для покоя и тишины гражданъ ошибкою — нетерпимость къ ихъ различнымъ вѣрамъ. Только мудрая терпимость, одинаково признаваемая православною вѣрою и политикою, можетъ привести этихъ заблудшихъ овецъ къ истинному вѣрованію. Преслѣдованіе раздражаетъ умы, терпимость ихъ смягчаетъ и дѣлаетъ менѣе упорными, такъ какъ потушаетъ распри, которыя противны покою государства и союзу гражданъ». Но это письмо было только отвѣтомъ на благоговѣйное обращеніе Вольтера къ Сѣверной Звѣздѣ, съ просьбою о покровительствѣ Сирвенамъ; послѣ тѣхъ благодѣяній, какими была осыпана семья Калассовъ, Вольтеръ проситъ Императрицу даже «умѣрить ея доброту, но представить ему воспользоваться ея именемъ». Мы просимъ, пишетъ онъ, — только чести помѣстить ваше августѣйшее имя во главѣ тѣхъ, которые помогаютъ намъ раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными. У меня есть просьба къ Вашему Величеству о другой милости,—продолжаетъ онъ,—это дозволить, чтобъ я сообщилъ записку, которую вы удостоили мнѣ передать на счетъ Ростовскаго епископа, наказаннаго за то, что онъ вообразилъ, что есть двѣ власти. Есть только одна, всемилостивѣйшая Государыня и это та, которая благодѣтельна, — спѣшитъ прибавить фернейскій мудрецъ [1]), такъ умѣвшій соединять философію съ политикою

Понятно, почему обѣ стороны такъ хлопотали объ оправданіи въ глазахъ общества осужденія фанатика. Для Екатерины, постоянно проповѣдывавшей о терпимости, важно было дать объясненіе своему поступку; для Вольтера, боровшагося противъ притѣсненій власти и въ то же время опиравшагося на авторитетъ Екатерины, не менѣе важно было найти оправданіе ея приговору въ настоящемъ случаѣ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 г. (май), въ статьѣ А. И. Незеленова [2]) сказано, что освобождая монастырскихъ крестьянъ отъ власти духовенства монашествующаго и не посягнувъ при этомъ на права частныхъ владѣльцевъ, Екатерина II буквально исполнила программу Вольтера, котораго она считала и называла своимъ учителемъ и уваженіе ея къ сочиненіямъ Вольтера было безгранично и переходило въ благоговѣніе [3]). По мнѣнію Вольтера, справедливость требуетъ, чтобы Государь освободилъ церковныхъ рабовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается помѣщиковъ, то имъ надо предоставить право — освобождать крестьянъ, или нѣтъ, по ихъ собственному усмотрѣнію. Самъ Вольтеръ полагалъ, что дворянамъ выгоднѣе отдавать земли въ оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ; но онъ думалъ что во всякомъ случаѣ земля должна принадлежать помѣщикамъ; онъ былъ убѣжденъ, что крестьянамъ не надо имѣть поземельной собственности. Въ 1767 году Вольное Экономическое Общество въ С-Петербургѣ предложило на конкурсъ тему: «о поземельной собственности крестьянъ». На конкурсъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями

[1]) См „Сборникъ Рус. Истор. Общ.“ X. 93—96 стр. Письмо Вольтера впервые напечатано въ этомъ изданіи.

[2]) „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“, на стр. 259.

[3]) См. статью В. И Семевскаго „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“, въ „Отечеств. Записк.“ 1879 г. № 10—12.

было представлено и сочиненіе Вольтера, подъ девизомъ: si populus dives, rex dives. Въ этомъ то сочиненіи Вольтера и проведенъ вышеозначенный взглядъ его на духовныхъ крестьянъ. Здѣсь Вольтеръ обнаружилъ всю свою ненависть къ духовенству преимущественно къ католическому, а пришлось поплатиться и русскому духовенству, у котораго, по его совѣту отняты были крестьяне. Русскому духовенству легче было бы перенести эти реформы, если бы послѣднія не были односторонними реформами и касались бы одновременно и духовенства и помѣщиковъ; тогда и Екатерина II поступила бы логично, разумно, послѣдовательно и вполнѣ справедливо

Въ письмѣ къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, Екатерина II, Ростовскаго владыку называетъ властолюбивымъ и бѣшенымъ [1]). Екатерина опасалась, чтобы народъ не смотрѣлъ на Арсенія Мацѣевича, какъ на святаго и мученика, и потому въ своихъ отзывахъ о немъ старалась внушить, что онъ доказанный клеветникъ, лжецъ и лицемѣръ [2]), но ей не удалось побороть народной молвы; а въ Сибири самое мѣсто предполагаемой вымышленной могилы Арсенія считалось священнымъ [3]). Въ письмѣ къ Вяземскому въ іюнѣ 1769 года Императрица писала объ Арсеніѣ, «не изволишь ли писать къ Бенкендорфу [4]), чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобъ, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки и чтобы не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты» [5]). Безъ сомнѣненія это письмо тоже, которое передается въ разсказѣ И. В. Лопухина другими словами, причемъ слово звѣрекъ замѣнено словомъ: птичкою; «у васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка берегите, чтобы не улетѣла: надѣюсь, не подведете себя подъ большой отвѣтъ» и пр., и въ концѣ: «народъ его (Арсенія) очень почитаетъ, изстари привыкъ считать его святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ».

Такимъ образомъ, въ глазахъ Екатерины II, Арсеній старался установить нелѣпое начало двоевластія, былъ фанатикомъ, изувѣромъ, суевѣромъ, властолюбивымъ, бѣшенымъ, превеликимъ плутомъ и лицемѣромъ.

Графъ М. Толстой [6]) объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ замѣчаетъ, что онъ основалъ Ярославскую семинарію, лишился сана за неумѣстную ревность его къ пользамъ церковнымъ, а въ «Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей» [7]), въ замѣткѣ, въ предисловіи къ документамъ, того же графа М. Толстаго, имъ проводится такой взглядъ на Арсенія: онъ былъ твердо убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, въ неприкосновенности церковнаго достоянія, и, если увлекся слишкомъ далеко, то навѣрное вполнѣ искупилъ свою дерзость многолѣтними тяжкими страданіями. Въ числѣ іерарховъ ростовскихъ, Арсеній Мацѣевичъ занимаетъ 58-е мѣсто, по словамъ графа М. Толстаго [8]). О жестокости Арсенія Мацѣевича при-

---

[1]) См „День“, 1862 г. № 17. „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1862 г., III кн., отр. 192.

[2]) См. „Чтенія“, 1862 г., кн. III, стр. 187.

[3]) См. „Чтенія“, 1864 г., кн. IV, стр. 1—2.

[4]) Бенкендорфъ былъ назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ на мѣсто умершаго Тизенгаузена.

[5]) См. „Чтенія“, 1862 г., кн III, стр. 194 и кн. II, стр. 12.

[6]) См. его сочиненіе: „Древнія святыни Ростова Великаго“, 1860 г., изд. 2-е. Въ первый разъ напеч. въ 1847 г. въ „Чт. Моск. Общ. Ист и Древ.“ стр. 26.

[7]) 1862 г кн. II, стр. 1—44, въ смѣси.

[8]) См его сочиненіе „Древн. свят. Ростова Вел.“, стр. 26—27. Но это сообщеніе его не вѣрно, Арсеній былъ 59-й іерархъ (см. „Яросл. Епарх. Вѣд.“ 1862 г. № 34 и слѣд.).

водимые факты М Толстой считаетъ преувеличенными; при этомъ спѣшитъ замѣтить, что въ то время ни одно сословіе не было изъято отъ тѣлеснаго наказанія и каждый допросъ сопровождался пыткою, не смотря ни на какое лицо [1]). Извѣстный московскій протоіерей Петръ Алексѣевъ. принадлежащій къ числу противниковъ независимости духовной власти и преобладающаго значенія монашества въ русской іерархіи, сообщившій въ письмѣ къ Императору Павлу разсказъ Петра Великаго о патріархѣ Никонѣ, съ тенденціозною цѣлію, вполнѣ одобряетъ дѣйствія свѣтской власти противъ бывшихъ у насъ замашекъ и, сказавъ о подобныхъ попыткахъ, заключаетъ такъ: «не упоминаю здѣсь о Ѳеодосіѣ, нескромномъ архіереѣ Новгородскомъ (Яновскомъ) и Арсеніѣ Ростовскомъ, мнимомъ святошѣ, кои безъ титла патріаршаго, восхотѣли было власть его восхитить,—явно противившися самодержцамъ всероссійскимъ, Екатеринѣ I и II, за что осуждены правильно и во изгнаніе сосланы, вмѣсто смертной казни, ими заслуженной, по причинѣ важныхъ ихъ винъ, кои обнародованы въ свое время» [2]). По поводу такого взгляда на Арсенія Мацѣевича протоіерея Алексѣева, мы должны замѣтить, что онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ исключительнаго права монашества на высшія духовныя должности, не только считалъ возможнымъ для священника получить санъ епископа, не поступая въ монахи, но утверждалъ, что епископство вообще должно принадлежать бѣлому духовенству, потому что званіе монаха, по самому его существу, несовмѣстно съ мірскими почестями и властью. Вслѣдствіе такого взгляда на монашество, Алексѣева не терпѣли архіереи, а онъ не терпѣлъ послѣднихъ, и по этому нечего удивляться его суровому взгляду на Арсенія и на другихъ архіереевъ [3]).

Извѣстный масонъ и филантропъ, И. Вл. Лопухинъ, чтившій память Арсенія и тщательно собиравшій о немъ разсказы и едва ли не первый близко познакомившійся съ его дѣломъ, поступокъ Екатерины съ Арсеніемъ ставилъ наравнѣ съ дѣломъ Новикова, хотя многое извиняетъ ей [4]), а въ своемъ орловскомъ имѣніи, селѣ Воскресенскомъ [5]), онъ поставилъ Арсенію памятникъ, подобно тому, какъ въ подмосковномъ имѣніи, онъ устроилъ Юнговъ островъ, хижину Руссо и мраморную урну въ честь Фенелона, съ изображеніями госпожи Гюйенъ и Руссо Лопухинъ почиталъ въ Арсеніѣ борца за независимость церкви и религіозныхъ убѣжденій, которыхъ онъ самъ былъ поборникомъ, будучи также противникомъ вмѣшательства церкви въ дѣла государственныя и врагомъ всякаго рода гоне-

---

Графъ Толстой ошибается въ годѣ смерти Арсенія,—по его словамъ, онъ умеръ въ 1779 г. (см его сочин. стр. 26—27). Подобная ошибка замѣчается у многихъ писателей Г. Басининъ (см. 1875 г. „Чтеній“, кн. 1 стр. 131—143). въ своей статьѣ „Копіи съ бумагъ объ іеромонахѣ Арсеніѣ, бывшемъ митрополитѣ Ростовскомъ“, также ошибается въ годѣ смерти Мацѣевича,—по его словамъ, онъ умеръ въ Ревельской крѣпости въ 1779 г М. Н Лонгиновъ въ статьѣ (см. „День“, 1862 г. № 191: „Памятникъ Арсенію Мацѣевичу“ говоритъ ошибочно, что Мацѣевичъ умеръ въ 1780 году (стр. 11), подражая въ этомъ случаѣ митрополиту Евгенію, на котораго Лонгиновъ ссылается въ своей статьѣ (см „Истор Словарь“, 1827 г ч I, стр 49—50) Ошибки въ годѣ смерти Арсенія Мацѣевича встрѣчаются и у другихъ писателей

[1]) См. „Чтенія“ 1862 г. кн. II, стр. 1—7.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1863 г. стр. 706.

[3]) См „Вѣстникъ Европы“, 1884 года, статью А. Н. Пыпина, въ іюн кн. на стр. 87 и 88 „Русская наука въ XVIII вѣкѣ“.

[4]) См. его „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы“. сочиненныхъ имъ самимъ, напечат. въ 1860 г. во II и III книгахъ „Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и Древн.“, стр 56.

[5]) У Снегирева сельцѣ Савинскомъ („Рус Достоп“ вып. IV), нужно довѣрять болѣе въ этомъ случаѣ разсказу И. В. Лопухина

ній и притѣсненій, какимъ подвергся Арсеній Мацѣевичъ. Въ дѣлѣ, по тайной экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго митрополита Арсенія, въ 1767 г. и въ началѣ 1768 г. видно, до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута Сіе дѣло, по словамъ Лопухина, возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангельской епархіи, лишенъ епископства и священническаго сана, за представленія противъ отобранія монастырскихъ вотчинъ [1]).

Филаретъ, архіепископъ Черниговскій [2]) говоритъ слѣдующее: Императрица, Екатерина II, не долго спустя по восшествіи на престолъ, учредила коммиссію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ, для разсужденій о содержаніи духовенства. Въ началѣ 1764 года коммиссія представила докладъ Императрицѣ объ изъятіи церковныхъ имуществъ изъ духовнаго вѣдомства, съ порученіемъ ихъ коммиссіи экономіи и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Въ томъ не было сомнѣнія, что недвижимыя имущества монастырей и каѳедръ, къ половинѣ сего періода возросшія до огромнаго числа, при кротости духовнаго правленія, далеко менѣе приносили выгодъ духовенству и государству чѣмъ могли приносить. Вообще за всѣми монастырями и каѳедрами (не считая Малороссію и Бѣлоруссію) по ревизіи числилось 910,866 душъ Ни покупкою, ни принятіемъ пожертвованій, не увеличивали числа деревень; но онѣ росли отъ того, что слишкомъ берегли церковную собственность; если крестьянинъ бѣднѣлъ, его надѣляли всѣмъ нужнымъ, лошадью, дворомъ и пр. Крестьяне мало работали для каѳедръ и монастырей и много имѣли свободы работать для себя. Императрица повелѣла привесть докладъ коммиссіи въ исполненіе [3]). Штаты не простирались тогда на малорусское духовенство; при немъ остались преимущества, по привиллегіямъ Малороссіи. Ростовскій митрополитъ, Арсеній Мацѣевичъ представлялъ [4]) нескромный и неблаговременный протестъ противъ этихъ распоряженій и за то подвергся осужденію. Въ выноскѣ преосвященный Филаретъ ошибается, когда говоритъ, что Арсеній, будучи посланъ въ Корельскій монастырь, въ 1766 году, (вмѣсто того, чтобы сказать въ 1767 году), по доносу солдата, (вмѣсто того, чтобы сказать по доносу іеродіакона Іоасафа Лебедева и монаха Филарета Батогова), послѣ допроса, въ Архангельскѣ, былъ привезенъ въ Москву, гдѣ допрашиваемъ былъ Шешковскимъ, и подъ именемъ Андрея, перевезенъ въ Ревельскую крѣпость. Филаретъ причисляетъ Арсенія Мацѣевича къ проповѣдникамъ менѣе другихъ знаменитымъ въ XVIII-мъ столѣтіи [5]). Ошибочно говоритъ также преосвященный Филаретъ [6]), что въ 1764 году Арсеній Мацѣевичъ заточенъ былъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, въ которомъ Арсеній никогда не былъ. Была мысль у Святѣйшаго Синода послать туда Арсенія, но она оставлена и Арсеній прямо былъ посланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, и притомъ въ 1763 году, а не въ 1764 году. Къ числу писателей, невѣрно опредѣлившихъ годъ смерти Арсенія Мацѣевича, кромѣ вышеупомянутыхъ нами, относятся Сопиковъ [7]) и Юрій Толстой [8]). По мнѣнію Сопикова, Арсеній Мацѣевичъ

---

[1]) См. „Чтенія въ Моск. Общ. Ист и Древ." 1860 г кн II, стр. 56.

[2]) См. его „Исторію русской церкви", Черниговъ, 1862 г., изд 4-е (V періодъ, съ 1721—1826 г.) на стр. 11 и 12

[3]) Собр. Зак. указъ 1764 г 26 февр

[4]) 6 марта 1763 года.

[5]) См его „Исторію" стр 50.

[6]) См. его „Обзоръ русской духовной литературы", кн. 2, стр. 54.

[7]) См. его „Словарь", часть 1, стр. 286

[8]) См. его сочиненіе „Списки архіереевъ", изд. въ 1872 году, стр. 10.

скончался въ заточеніи въ 1776 году, а по мнѣнію Юрія Толстаго, онъ погребенъ въ 1779 году; послѣдній также ошибается, когда говоритъ, что Арсеній въ 1763 году былъ отвезенъ въ Бѣлозерскій Ферапонтовъ, потомъ въ Николо-Корельскій монастырь, а оттуда въ Анзерскій Скитъ Соловецкаго монастыря, невѣрно также сообщеніе послѣдняго, что Арсеній былъ переименованъ Александромъ.

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1861 года [1]) помѣщена была статья неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, какъ обличителѣ раскола»; эта статья въ означенной рамкѣ разбираетъ труды Арсенія, направленные противъ раскольниковъ, вѣрно и вполнѣ безпристрастно; взглядъ же, проведенный въ этой статьѣ на Арсенія, какъ на обличителя раскола, нами будетъ раскрытъ въ послѣдствіи, котораго теперь и не высказываемъ, желая избѣгать повтореній.

Въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» [2]) Г. Н. К—въ помѣстилъ также дѣльную и безпристрастную статью «Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій, какъ проповѣдникъ». Здѣсь въ первый разъ основательно разбираются рукописныя проповѣди Арсенія и подвергаются критическому анализу. По словамъ автора означенной статьи, митрополитъ Ростовскій, Арсеній III, Мацѣевичъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ іерархамъ русской церкви въ XVIII-мъ столѣтіи какъ по своему уму, такъ и по своей ревности къ благу церкви, и еще болѣе, по своей печальной судьбѣ. Свою ревность къ благу церкви, признанную впрочемъ неумѣренною, онъ заявилъ извѣстнымъ протестомъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ, бывшимъ причиною снятія съ него священническаго сана и заточенія.

Въ Ярославскихъ же Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ [3]) помѣщена біографія Арсенія Мацѣевича, подъ заглавіемъ: «Митрополитъ Арсеній III (Мацѣевичъ), 59-й іерархъ Ростовско-Ярославской паствы» Въ этой біографіи описанъ, бывшій при Арсеніѣ Мацѣевичѣ, пожаръ въ Ярославскомъ соборѣ, во время котораго сгорѣли мощи св. князей Василія и Константина [4]). Подробно несчастный этотъ случай описанъ только въ этой біографіи; Снегиревъ упоминаетъ объ этомъ несчастномъ событіи въ своей біографіи Арсенія, но въ описаніи событія впадаетъ въ погрѣшности [5]).

Считаю долгомъ указать также на статью, помѣщенную тоже въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ [6]) «Распоряженія Арсенія Мацѣевича, по управленію Ростовско-Ярославскою паствою». Эта статья ознакомляетъ насъ съ характеромъ административной дѣятельности митрополита Арсенія по Ростовско-Ярославской епархіи, изъ нея мы узнаемъ, чего Арсеній требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ и какія административныя реформы производилъ во ввѣренной его управленію паствѣ.

Автобіографическое показаніе Арсенія Мацѣевича [7]) сообщаетъ намъ вѣрныя свѣдѣнія о жизни Арсенія Мацѣевича и его службѣ до 1738 года.

Статья въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ [8]). «Выдержки изъ прошедшаго и давно прошедшаго Архангельской губерніи: ссыльные

---

[1]) Въ послѣднемъ томѣ.
[2]) См 1864 г. съ № 35 -52.
[3]) См. 1862 г № 34 и другіе.
[4]) 20 го февраля 1744 года
[5]) См. „Русскія Достопамятности“, томъ IV.
[6]) См. 1868 г съ № 26—36.
[7]) Напечатанное въ „Осмнадцатомъ вѣкѣ“ Бартенева, т. II, Н. И. Григоровичемъ и перепечатанное въ 1869 г. въ „Яросл. Епарх. Вѣд.“ № 17, стр. 133—136.
[8]) См. 1875 г. № 24 и 26.

XVIII-го вѣка въ Архангельскомъ краѣ», (между прочими, и Арсеній Мацѣевичъ), даетъ намъ знать, что Николаевскій Корельскій монастырь, куда первоначально сосланъ былъ Арсеній Мацѣевичъ, находится въ устьѣ Сѣверной Двины, въ 35-ти верстахъ отъ города Архангельска [1]). Только въ этой статьѣ мы встрѣтили свѣдѣнія о снаряженіи въ путь Арсенія изъ Корельскаго монастыря въ Ревельскую крѣпость въ 1767 году около 27-го декабря. Не сложно было построенное на счетъ расходной суммы губернской канцеляріи путевое снаряженіе Арсенія: шапка теплая — 60 коп., двои теплые чулки — 48 коп.; кафтанъ смурой — 2 р. 20 к.; сани — 1 р. 20 к.; шуба баранья — 2 р. 45 коп.; прибору къ санямъ: оглобли 2 коп.; завертки 2 коп.; рогожъ 4 — 8 конѣекъ, для обшивки у тѣхъ саней кибитки — тючекъ веревокъ — 6 коп.; двѣ пристяжки — 24 коп.; за оковку кузнецамъ—80 копѣекъ. Авторъ означенной статьи невѣрно опредѣляетъ годъ смерти Арсенія въ 1780 году (вм. 1772 года).

Арсеній Мацѣевичъ, по своимъ убѣжденіямъ и по своимъ взглядамъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ той партіи въ высшемъ духовенствѣ, которая отстаивала порядки дореформенной Россіи, которой не нравился Духовный Регламентъ Петра Великаго и которая требовала возстановленія патріаршества въ Россіи. Уничтоженіемъ патріаршества въ Россіи, по взгляду этой партіи, Петръ I ограничилъ власть высшаго духовенства и уменьшилъ его вліяніе на ходъ даже духовныхъ дѣлъ.

Какъ человѣкъ, Арсеній Мацѣевичъ былъ нрава жестокаго, строптиваго, характеръ имѣлъ раздражительный, въ обращеніи съ подчиненными былъ грубъ, въ разговорахъ съ послѣдними не стѣснялся въ употребленіи ругательныхъ словъ Жестокость его нрава объясняется духомъ того времени, грубое обращеніе въ то время было всеобщимъ, какъ въ духовенствѣ, такъ и у помѣщиковъ съ своими крестьянами.

Какъ проповѣдникъ и какъ обличитель раскола, Арсеній представляется человѣкомъ суровымъ, безсердечнымъ, неумѣющимъ дѣйствовать на сердца своихъ слушателей; его проповѣди и обличенія имѣютъ характеръ проповѣдей и обличеній схоластическихъ, сухихъ, безжизненныхъ.

Какъ администраторъ, Арсеній намъ представляется сухимъ ригористомъ, формалистомъ и подчасъ мелочнымъ начальникомъ.

Подвергшись девятилѣтней ссылкѣ (съ 1763—1772 гг.) за свои убѣжденія, за отстаиваніе правъ духовенства на церковныя вотчины, Арсеній обнаруживаетъ необыкновенную твердость и непреклонность своей воли и своего характера; съ необыкновеннымъ и изумительнымъ терпѣніемъ переноситъ выпавшія на его долю злоключенія, и можно сказать, страданія за свою идею и за свой протестъ противъ правительственнаго распоряженія объ отобраніи церковныхъ имуществъ и испиваетъ горькую чашу страданій до своей смерти въ Ревельскомъ казематѣ. Не смотря на безчеловѣчное съ нимъ обращеніе (съ нимъ, уже семидесятилѣтнимъ старцемъ), особливо въ послѣднемъ его заключеніи, онъ такъ ведетъ себя въ казематѣ, что только и репортуютъ все время о немъ однообразною и короткою фразою, что извѣстный арестантъ ведетъ себя тихо.

Соглашаясь съ мнѣніемъ И. А. Чистовича, мы признаемъ также, что Арсеній былъ суевѣръ и фанатикъ. Свои доношенія въ Святѣйшій Синодъ Арсеній подкрѣплялъ доводами отцовъ собора въ 1503 при Іоаннѣ III и доводами Іосифа Волоцкаго. Іосифъ Волоцкій, въ защиту неприкосновенности монастырскихъ вотчинъ, между прочимъ, приводилъ одно оригиналь-

[1]) По свѣдѣніямъ Архангелогородской губернской канцеляріи, этотъ монастырь отстоитъ отъ Архангельска на разстояніи 30 верстъ.

ное, но по его времени въ высшей степени практическое и убѣдительное соображеніе: «если у монастырей не будетъ селъ, то какъ постричься почетному и благородному человѣку? А если не будетъ почетныхъ и благородныхъ старцевъ, то откуда взять людей въ митрополиты, архіепископы, епископы и на другія церковныя власти? И такъ, если не будетъ почетныхъ и благородныхъ старцевъ, то и самая вѣра поколеблется» [1]). Ту же мысль проводилъ и Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ первомъ доношеніи и такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, Арсеній отстаивалъ взгляды Іосифа Волоцкаго, проводимые послѣднимъ въ первой четверти XVI столѣтія, при первой попыткѣ Іоанна III, отобрать отъ монастырей въ казну церковныя имущества. Стоитъ только сличить прошеніе отцовъ собора въ 1503 году и приводимые имъ доводы въ пользу неприкосновенности церковныхъ имѣній съ доводами, приводимыми Арсеніемъ Мацѣевичемъ, въ его первомъ доношеніи въ Синодъ, и тогда будетъ очевиднымъ сходство этихъ доводовъ въ XVI и въ XVIII вѣкахъ Но, доводами XVI столѣтія нельзя было разсчитывать отстоять неприкосновенность церковныхъ имѣній въ XVIII вѣкѣ. При этомъ нужно замѣтить и то, что въ XVI столѣтіи тѣ же доводы высказывались въ болѣе мягкихъ формахъ, нежели въ какихъ они выливались въ XVIII вѣкѣ изъ подъ пера Арсенія Мацѣевича; Арсеніемъ они облечены были въ грубыя и дерзкія формы, потому-то его доношеніе такъ и раздражило Екатерину II, что она пожелала, какъ можно поскорѣе убрать или услать куда нибудь по дальше такого отчаяннаго грубіяна

Въ Арсеніѣ замѣчается еще одна очень не привлекательная черта; онъ всю жизнь любитъ противорѣчить распоряженіямъ высшей власти и не сходиться съ предержащими властями во взглядахъ; такъ, онъ часто не сходится во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ съ коллегіею экономіи, неоднократно споритъ съ Святѣйшимъ Синодомъ и Сенатомъ и наконецъ протестуетъ противъ распоряженій самой Императрицы; въ этомъ случаѣ, его можно назвать человѣкомъ безпокойнымъ, своеобразнымъ оригиналомъ, всегда недовольнымъ распоряженіями высшей власти и только въ постоянной борьбѣ или протестѣ находящимъ пищу для своей вѣчно безпокойной и раздражительной натуры. Всѣми онъ недоволенъ, всѣхъ желаетъ учить и всѣмъ навязать свои взгляды и убѣжденія. Обыкновенно и часто такъ бываетъ, что люди подобнаго закала оканчиваютъ свою жизнь самымъ плачевнымъ образомъ Нельзя не упомянуть и о томъ, что въ Арсеніѣ Мацѣевичѣ нервный и раздражительный характеръ развился подъ вліяніемъ нажитой имъ морской скорбуточной болѣзни, которая, по временамъ, причиняла ему невыносимыя головныя боли. Если бы на эту болѣзнь было обращено въ свое время должное вниманіе то это обстоятельство много бы способствовало къ облегченію его участи и тогда на всѣ его дерзкіе протесты посмотрѣли бы съ другой точки зрѣнія и ограничились бы однимъ увольненіемъ его на покой, въ какой либо монастырь, съ достаточнымъ содержаніемъ, по болѣзненному его состоянію.

Нѣкоторые біографы считаютъ Арсенія мученикомъ, страдальцемъ за правое дѣло, за идею, и святымъ, и, въ подтвержденіе своей мысли, приводятъ разные анекдоты и сомнительнаго происхожденія преданія о его святости. Но мы не придаемъ особенной вѣры преданіямъ и анекдотамъ, не основаннымъ на фактахъ Фактическихъ данныхъ, которыми бы можно

---

[1]) См. „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“, Павлова, стр. 41; также о недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, изслѣдованіе Влад. Милютина („Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1859 г. кн. 4-ю).

было подкрѣпить подобный взглядъ на Арсенія, мы не находимъ въ историческихъ документахъ, касающихся его жизни и страданій Жестокое и безчеловѣчное обращеніе съ семидесятилѣтнимъ старцемъ въ Ревельскомъ казематѣ мы находимъ не гармонирующимъ съ гуманными и просвѣщенными идеями одной изъ великихъ монархинь Русскаго Государства. Подобное обращеніе со старикомъ и породило множество анекдотовъ и народныхъ преданій о его невинныхъ и тяжкихъ страданіяхъ и о его святости. Содержаніе же въ большомъ секретѣ втораго слѣдственнаго дѣла о немъ подало поводъ къ новымъ вымысламъ о ссылкѣ его въ Сибирь, о смерти его въ Верхнеудинскѣ, и о чудесахъ на пути во время препровожденія Арсенія въ новое мѣсто заключенія

О второй ссылкѣ Арсенія въ Ревельскую крѣпость нужно замѣтить, что все обвиненіе его основано было на словахъ: то говорилъ Арсеній въ своей кельѣ, то слышали отъ Арсенія, фактическимъ же обвиненіемъ можетъ быть признана одна молитва о гонящихъ церковь которую стали читать въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, по приказанію Арсенія, и которую Архангельская губернская канцелярія переслала изъ Корельскаго монастыря въ С.-Петербургъ вмѣстѣ съ другими обвинительными бумагами, къ генералу-прокурору князю Вяземскому; но Арсеній Мацѣевичъ на всѣхъ допросахъ не признавался въ томъ, что онъ разумѣлъ здѣсь подъ обидящими церковь Императрицу Екатерину II; подъ обидящими церковь, архимандритъ Антоній показывалъ, что Арсеній разумѣлъ раскольниковъ, а самъ Арсеній показывалъ на допросахъ, что подъ обидящими церковь онъ разумѣлъ двухъ митрополитовъ и тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которые способствовали къ отобранію отъ церквей и монастырей земель и крестьянъ Фраза И. Вл. Лопухина, что обвиненіе Арсенія, по второму дѣлу, основано не на фактахъ, а на словахъ, вытекаетъ намъ кажется, изъ хода всего втораго дѣла объ Арсеніѣ. Весь матеріалъ и всѣ данныя ко вторичному обвиненію Арсенія основаны на его келейныхъ разговорахъ и разглагольствіяхъ семидесятилѣтняго старика о томъ или другомъ лицѣ изъ царской фамиліи; изъ келейныхъ бесѣдъ составили цѣлое дѣло съ политическою подкладкою. Нужно при этомъ обратить вниманіе и на то, что начали дѣло записные пьяницы, которымъ могла придти подобная мысль въ голову подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и изъ желанія досадить чѣмъ нибудь архимандриту и Арсенію [1]). Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ, какъ дѣло келейное, основанное на сплетняхъ и подслушиваніяхъ имѣетъ совершенную противуположность съ первымъ слѣдственнымъ дѣломъ о немъ. Въ первомъ дѣлѣ, для обвиненія Арсенія, было много фактическихъ данныхъ, два доношенія его въ Святѣйшій Синодъ, синодальный ему выговоръ жалобы на него коллегіи экономіи недовольство Синода, самовольное отправленіе анаѳематствованія въ недѣлю православія по не установленному чиноположенію; всѣ эти данныя въ совокупности давали Синоду и Императрицѣ полное право на его осужденіе. Но во второмъ дѣлѣ данныя къ обвиненію Арсенія имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, и, не смотря на все это, онъ осуждается по второму дѣлу на еще болѣе жестокую ссылку и послѣдніе годы жестоко и тяжко страждетъ въ Ревельскомъ казематѣ за свои келейныя слова, высказываемыя имъ въ разное время въ бесѣдѣ съ знакомыми ему лицами, по свой-

---

[1]) Арсеній въ допросѣ прямо говоритъ, что іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ объявилъ на него слово и дѣло изъ мести за то, что Арсеній разъ не поднесъ ему водки, видѣвши, что Іоасафъ и безъ его поднесенія уже былъ пьянъ; Іоасафъ тогда же замѣтилъ Арсенію, что онъ отмститъ ему за этотъ отказъ въ рюмкѣ водки.

ственной ему старческой словоохотливости и болтливости. Боялись, что Арсеній увлечетъ за собою другихъ и повліяетъ на нихъ своими бесѣдами, но послѣдователей и сообщниковъ у него не оказалось внѣ монастыря и, значитъ, напрасны были со стороны властей опасенія и тревоги.

При своей суровости и строгости, Арсеній былъ человѣкъ правдивый и честныхъ правилъ и всюду старался уничтожать злоупотребленія. Двоедушнымъ и льстецомъ онъ не былъ [1]).

Кромѣ многихъ и разнообразныхъ статей, біографій и записокъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, кромѣ печатнаго такъ называемаго матеріала, намъ открытъ былъ доступъ къ снятію копій съ бумагъ, относящихся къ Арсенію Мацѣевичу и хранящихся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, благодаря благосклонному разрѣшенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирса и моего непосредственнаго начальника д. с. с. Д. Ѳ. Стуарта, директора Спб. Главнаго и Государственнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Такимъ образомъ, кромѣ печатнаго матеріала, мое изслѣдованіе основано на слѣдующихъ дѣлахъ Государственнаго Архива:

1) Мною сняты копіи со втораго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніѣ, подъ заглавіемъ Дѣло о митрополитѣ Ростовскомъ и Ярославскомъ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, сужденномъ и сосланномъ подъ именемъ Андрея Враля въ заточеніе въ Ревельскую крѣпость за выраженія, оскорбительныя для Императрицы Екатерины II [1]). На основаніи бумагъ въ этомъ дѣлѣ находящихся, мною въ своемъ мѣстѣ исправляются фактическія погрѣшности, допущенныя другими историками въ своихъ статьяхъ объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ (напр. Чистовичемъ, Знаменскимъ, Барсовымъ и Иконниковымъ).

2) Дѣло о посадскомъ человѣкѣ Петрѣ Волчковѣ, доносившемъ на Ростовскаго митрополита Арсенія (Мацѣевича), за уничтоженіе часовенъ, которыя служили молельнями для раскольниковъ [2]). На это дѣло никто изъ историковъ не указывалъ и не ссылался въ своихъ сочиненіяхъ, а между тѣмъ оно характеризуетъ Арсенія, какъ администратора.

3) Доклады и другія бумаги коллегіи экономіи [3]), въ которомъ мы нашли замѣчательныя промеморіи Арсенія Мацѣевича въ коллегію экономіи и его доношенія Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; на это дѣло ссылокъ также не встрѣчаемъ у историковъ.

4) Дѣло объ обрѣтеніи святыхъ мощей Димитрія митрополита Ростовскаго [4]). Съ этимъ дѣломъ тѣсно связана дѣятельность Арсенія за это время. Арсеній Мацѣевичъ репортуетъ объ обрѣтеніи мощей въ 1752 году [5]), свидѣтельствуетъ ихъ въ 1757 году [6]), доноситъ о нетлѣніи ихъ Синоду и Императрицѣ и пр.

5) Письма Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича къ Императрицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ II [7]). Нѣкоторыя изъ его писемъ не были напечатаны, каковы: письмо его изъ Тобольска и письмо Екатеринѣ II въ

---

*) Окончательные выводы г. Морошкина о личности и характерѣ Арсенія Мацѣевича были уже напечатаны въ „Церковно-Обществ. Вѣстн" издѣсь (съ 15-й строки сверху на стр. 22 и далѣе стр. 23 — 25) печатаются вторично, по просьбѣ автора, для сохраненія полноты и законченности его „Обзора литературы объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ". *Прим. ред.*

[1]) См. Госуд. Арх., разр VI, № дѣла 399, 1767—1772 г.

[2]) См. Госуд. Арх., разрядъ VII, № д 1447, 1751 г.

[3]) См Госуд Арх, разрядъ XVIII, № д. 85. 1736—1786 г

[4]) См. Госуд. Арх., разр XVIII, № д. 175, 1752—1763 г

[5]) Репортъ см. Госуд. Арх., разр. XVIII, № д. 175.

[6]) Тамъ же.

[7]) См. Госуд. Арх., разр. XVIII, № 92, съ 1741—1763 г

1763 году. Письмо же къ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1753 году, благодарственное. въ «Русскомъ Архивѣ» и у Иконникова напечатанное, мы нашли напечатаннымъ неточно и съ нѣкоторыми погрѣшностями.

6) Дѣло объ архимандритѣ Новоторскаго Борисоглѣбскаго монастыря Ѳеофилактѣ, лишенномъ сана и сосланномъ въ Иркутскій дальній монастырь за дерзкія рѣчи касательно Арсенія Мацѣевича [1]).

---

*Изъ журнала «Библіографъ» 1886 г., №№ 2, 3 и 4.*

---

[1]) См Госуд. Арх., разр. VII, дѣло 2154.